

МАРИНА
ЛИ

ДЕТСКИЙ МИР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л55

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Иные сказки»

Художественное оформление — *Екатерина Елькина*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Ли, Марина.

Л55 Детский мир : [фантастический роман] / Марина
Ли. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (Иные
сказки).

ISBN 978-5-17-982402-2

Детский мир — это не магазин, полный игрушек. Не парк аттракционов. И даже не романтическое название для развлекательного центра. Это объективная реальность, вечный праздник непослушания, где окружающему миру совершенно наплевать на то, чем ты занимаешься, почистила ли ты зубы перед сном и съела ли свою овсянку на завтрак. Это школа, и в ней выбор за тобой, что делать: учить уроки жизни или навсегда остаться ребенком. Здесь нет преподавателей, потому что лучший учитель — опыт. Здесь не бывает пересядач, а «незачет» означает смерть. И выживешь ли ты в этой дикой борьбе за место под солнцем, зависит только от тебя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982402-2

© Марина Ли, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

Сирена панически кричала, заглушая все мысли и мешая сосредоточиться на главном, а бортовой компьютер равнодушно вещал:

— Внимание! Угроза внешнего нападения. До сбрасывания капсул осталось 15 минут. Угроза нападения. Угроза нападения. До сбрасывания капсул осталось 14 минут.

— Да выключи ты к эту тарахтелку! — взревел капитан, трясущимися руками щёлкая по тумблерам и раз за разом вводя в главный компьютер одну и ту же команду.

— Слушаюсь, кэп, — ответил первый помощник, и через секунду в рубке наконец наступила тишина.

— Что случилось? — капитан был взволнован и даже немного напуган. Впрочем, ни первый помощник, ни второй пилот не могли с уверенностью сказать, нервничает их высокое и почти бессмертное начальство, или нет. Они были всего лишь обычными людьми, где уж им до королевского спокойствия тех, в ком течёт голубая кровь.

— Кэп... — сержант заглянул в рубку, бледный, как смерть. — Кэп, у нас тут...

— Помолчи, Ёж, — рявкнул капитан, не глядя на младшего брата. — У нас тут полный бардак!

Через секунду непрерывно мигающая лампочка на табло успокоилась, и все посмотрели на неё с настороженным вниманием.

— Неужели всё? — прошептал первый помощник.

— Уф... — выдохнул капитан и отвалился на спинку кожаного кресла. С секунду посидел с закрытыми глазами, а потом обратился к сержанту:

— Так что там такое смертельно-неотложное, Ёжик?

— Именно, что неотложное, — ещё больше бледнея, произнёс брат капитана. — Кто-то сбросил две капсулы.

Капитан посмотрел на экран молчаливого компьютера, наклонил немного голову и хрипло уточнил:

— Только не говори мне, что это...

— Не скажу, — поспешил заверить сержант.

Хозяин судна почернел лицом и обречённо прошептал:

— Она убьёт меня.

ГЛАВА 1

Я ЗНАЮ ПЯТЬ ИМЁН

По правилам игры участники подбрасывают мяч вверх или бьют им по земле со словами: «Я знаю пять имён мальчиков (девочек, названий городов, животных, цветов и т. д.), при этом считая: Дима — раз, Вася — два, Лёша — три и т. д. Когда кидается мяч — произносится только одно имя (название). Если игрок ошибается или долго думает — мяч передаётся другому участнику. Побеждает игрок, который дольше всех играл с мячом и ни разу не ошибся.

На сегодняшнем ужине кроме меня, Цезаря, Мастера Ти и Палача были её величество Кло с сыном, а также их невыносимость Клиф и генерал Цветков, чтоб его разорвало, наконец! А также его супруга, да постигнет её та же участь.

Поэтому не было никакой возможности отправить на ужин Тень. Самой пришлось идти.

— Лялечка, вы сегодня удивительно молчаливы, — проворковала вышеозначенная супруга. Она почему-то решила, что раз нас с ней посадили рядом, мы автоматически становимся подружками.

— Не обращайтесь внимания, — проворчала я, изо всех сил стараясь, чтобы моё ворчание долетело до Сашки. — Просто критические дни.

Мастер Ти отвратительно громко царапнул вилкой о тарелку и поднял на меня пугающие чёрные глаза.

Я замерла, ожидая Сашкиной реакции, но Цезарь только раздражённо дернул плечом и продолжил что-то нашёптывать королеве на ухо.

Зато Мастер Ти оживился.

— Дорогая, — потянулся ко мне через стол и перехватил мою правую руку. — Если вам по этому поводу нужен совет, то я...

— Руки убрал! — Сашка повернул голову в нашу сторону, и я увидела, как возле ямочки у него на подбородке пульсирует синяя жилка.

Мастер Ти только ещё сильнее сжал мои пальцы и скороговоркой выпалил:

— Вы же знаете, Лялечка, в Доме мы вас всегда встретим с распростёртыми объятиями...

— Ты озверел, Могилевский!?? — рывкнул мой старший брат так, что в люстре над головой две висюльки ударились друг о друга и спикировали прямо в тарелку к той самой супруге, которой вдруг захотелось стать моей подругой.

А в тарелочке был острый помидорный суп, красный, обжигающий. И, как оказалось, очень оригинально играющий на белом атласном платье. Супруга раздражённо вскрикнула и сделала вид, что ничего не произошло:

— Лялечка, — произнесла она все тем же елеинным тоном, следя за тем, как Могилевский медленно прячет руку под стол, — А что вы думаете по поводу последнего номера «Цезарь навсегда»?

— Нам ещё не приносили, — сказала я, не подумав, и застыла под ледяным Сашкиным взглядом.

— Вам? — генерал оторвался от королевского декольте и обернулся ко мне. — Я думал, цесаревна живёт в Башне Одиночества.

— Живёт, — промямлила я, торопливо затыкая свой болтливый рот гигантской креветкой. — И ещё активно изучает эпоху Вассального подчинения. Вот её и заклинило на множественном числе... Так и говорю теперь: мы поели, мы попили, мы сдали экзамен, мы прочитали журнал, у нас критические дни...

Сашка опалил меня гневным взглядом, а Мастер Ти липким. Сразу захотелось пойти и помыться, а потом прыгнуть в кровать к Тени и прошептать:

— Тоська, хочешь, расскажу сказку?

Но тут в распахнутую дверь галопом влетел посыльный и проскакал до Сашкиного кресла, которое больше всего напоминало чудовищный зелёный трон, шепнул что-то на ушко. Что-то, от чего Цезарь нахмурился, оскалился, словно сглатывал горький спиртовой коктейль, повернулся к её величеству Кло и процедил:

— Прошу пройти в переговорную.

А затем, не глядя в мою сторону:

Я замерла на месте с ложкой помидорного супа у рта, в положении полусогнутом и слегка униженном. Он серьёзно? Вот так вот, вышвырнуть меня, словно щенка? Облизала ложку и потянулась за второй.

— Оля, ты меня плохо слышишь?

Он даже не посмотрел в мою сторону. Неужели Палач прав, и у Цезаря действительно есть глаз на затылке?

— Я просто хотела... — «спасти свою гордость перед всеми этими шакалами»?

— Марш к себе! — приказал Сашка, а с люстры сорвалась еще одна висюлька, и снова в тарелку с не моим помидорным супом.

Я встала. На негнущихся ногах гордо дошла до двери, брезгливо оттолкнув руку Мастера Ти, чтоб его разорвало! Прокляла Сашку ледяным взглядом, когда за собой закрывала дверь. А потом подобрала юбки вечернего платья, задрав подол почти до пояса, и помчалась в комнату, которая примыкала к переговорной.

Когда ты живёшь в Башне Одиночества, то хочешь-не хочешь выучишь все тайные ходы дворца. Самым сложным во всей этой ситуации было отдышаться. Потому что дышала я громко и со свистом, и все законы физики указывали на то, что если слышу я, то, вероятно, слышат и меня.

Дверь распахнули ударом ноги, и в помещение влетел злой, как тысяча чертей, Цезарь. Вихрем метнулся к пульту управления и, пробарабанив на клавиатуре какую-то команду, стал ждать.

Королева Кло перепуганно мялась за его спиной.

— Можете присесть, — бросил Сашка и добавил презрительно: — Ваше величество.

Не спуская перепуганных глаз с мужской спины, женщина присела на край стула, а затем экран визора вдруг переключился на незнакомую мне местность, и королева несдержанно застонала, закрыв лицо руками.

— Это война, моя дорогая, — произнес Цезарь и постучал пальцем по монитору.

— Я... не... — пробормотало её Величество, всё ещё пряча лицо в ладонях.

— Я не... — мерзким голосом передразнил Сашка. Уж мерзким-то он умел быть, я об этом знаю лучше всех во дворце, в Яхоне и, возможно даже, на всей плане-

те. — Какого хрена, я тебя спрашиваю, люди в твоей форме делают у дикарей?

После его слов я внимательнее присмотрелась к картинке на визоре и поняла, почему местность мне показалась незнакомой. Просто в диких землях я никогда не была. Ну, оно и понятно. После того, как Сашка двенадцать лет назад узурпировал власть, меня не выпускали даже из дворца... Что уж говорить о границе.

— Прости, прости, пожалуйста, — лепетала королева Кло. — Это Клиф, его идея, я просто...

— Доставить сюда этого мозгоеда — рывкнул Цезарь, и я услышала, как за моей спиной по коридору прогрохотали чьи-то торопливые шаги. По поводу эпитета, которым Сашка наградил третьего сопровителя, я не возмутилась. Но едва удержалась от того, чтобы не проворчать ехидно, что чья бы корова насчет мозгоеда мычала, а Сашкина уж пусть бы молчала в тряпочку. Другого такого как Цезарь не найдёшь, хоть излазь вдоль и поперёк весь Яхон и Дикие земли впридачу. Клиф явился на удивление быстро. И, судя по звукам, доносившимся из коридора, его заслуги в этом не было. Их Невыносимость принесли в переговорную на руках. Я мысленно погладила себя по головке за хороший каламбур и обратилась в слух.

— Клифик, мальчик мой, — слишком ласково проговорил Цезарь, забыв о том, что третий сопровитель старше его лет на сто или даже двести: точный возраст старика скрывали все учебники по истории и энциклопедии, а я искала очень усердно. — Правда ли то, что мне рассказали сегодня?

Не понаслышке зная о степени скверности характера моего брата, Клиф молчал. Молчал, и, если верить бледности, залившей его всегда омерзительно-розовые щёки, вспоминал: успел ли он оставить завещание и точно ли указал там, кому выносить какашки за его любимым мопсиком.

— Кло? — Сашка посмотрел на вмиг постаревшую королеву. Не то что она была слишком молода до этого, но точно моложе Клифа. — Что ты мне тут только что мямлила о Диких землях?

Её Величество громко всхлипнула, а его Невыносимость безмолвно зашевелил губами, молясь древним богам... И в этот момент я действительно за него испугалась. Нет, Клиф, несомненно, был липким занудой, меня трясло от отвращения, когда он прикасался к моей руке своими всегда потными ладонями и склонялся над запястьем для влажного

поцелуя. Но это не означало, что я желала бедолаге смерти. Ну, не более трех-четырех раз, точно. И то не всерьёз, а так, гипотетически и в минуты обострения моей мизантропии.

Сейчас же Сашка зацепился мрачным взглядом за старческие губы, безмолвно шепчущие древние слова.

— Скажи, что мне показалось, Клиф... — попросил Цезарь и в притворном недоумении развёл руками. — Ты что же, сейчас... молишься?

— ...на чёрных крыльях свободы... — уже не скрываясь, торопливо произнёс третий соправитель, поднимая правую руку, чтобы закрыть лицо от удара. — Сквозь время летящие птицы...

И в следующий момент я испугалась, потому что мир вдруг стал красного цвета. Я отшатнулась от глазка и зажала рот руками, чтобы не заорать, когда до меня дошло, что это в переговорной на стены брызнула кровь.

— Никогда. При мне. Никто. Не смеет. Вспоминать. Проклятых. Тварей, — раздавалось с той стороны стены. И за каждым словом следовал отвратительный чавкающий звук.

Не знаю, сколько это продолжалось, по-моему, бесконечно долго. Я стояла зажмурившись, зажав уши руками, и всё равно до меня долетало свистящее бешеное дыхание Цезаря. Когда, наконец, наступила тишина, я не решилась открыть глаза, но руки опустила, на слух пытаюсь определить, что происходит в переговорной.

— Уберись тут, Кло, — велел Сашка спокойным голосом, словно и не было ничего.

— Да, я распоряжусь... — пролепетала королева и, наверное, вздрогнула. Я не видела, я стояла с закрытыми глазами, но она точно отшатнулась, когда её жалкое бормотание было прервано решительным окриком:

— Я приказал убратся, а не позвать слуг. Будет тебе наука на будущее... Как всё вымоешь, пришли ко мне своего сына.

В переговорной что-то грохнуло, и я подумала, что это, видимо, её Величество упало на колени.

— Цезарь, прошу тебя... — взмолилась королева.

— Пришли, — спокойно повторил Сашка. — Будем нового соправителя вводить в курс дел.

Я подождала, пока в коридоре утихнут шаги, пока женщина за стеной перестанет рыдать, а после этого осторожно выскользнула из своего укрытия и опрометью бросилась в башню. В такие дни Сашка грустит, а значит, придет мигреться. За жалостью и любовью, как он это называет.

Что же касается меня, то я не знала, как я смогу после всего увиденного гладить его по голове и где найду слова утешения. Наш брат — чудовище, а Тень — единственное существо в мире, которое этого ещё не понимает.

Цезарь пришёл ближе к полуночи, когда Тоська уже лежала в кровати, ожидая вечерней сказки, присел на диван рядом со мной и, приобняв, прошептал:

— Прости меня, Осенька.

Я дёрнула плечом, сбрасывая его руку. Не потому, что всё ещё держала на него зло. Просто так бы я повела себя вчера, до того как увидела своими глазами, на что он способен.

— Я же знаю, что ты умничка, — откровенно подлизывался Сашка. — Самая талантливая, самая красивая...

— А я? — слышалось с кровати. — Я тоже самая?

— А ты ещё лучше, — улыбнулся Цезарь, я же с неприязнью заметила, что у него совершенно холодные, вымораживающие душу до дна глаза.

— Простишь? — под этим взглядом сердце испуганно трепыхнулось в груди и рухнуло в пятки.

— Конечно, прощу... — прохрипела я. — Куда ж я денусь...

Цезарь ещё раз улыбнулся, на этот раз уже мне, и быстро чмокнул в лоб.

— Ну, вот и славно, Лялочка! Ты же знаешь, не могу уснуть, если мы поругались...

— Знаю, — прошептала я, стараясь не отводить взгляда от его лица и не вспоминать о том, что он сделал с Клифом.

Спросить или не спросить, зачем он ходил в переговорную? Я вчерашняя задала бы этот вопрос? Не выдам ли я себя неуместной дрожью в голосе? Не то чтобы я верила в то, что он ответит... но не заподозрит ли он неладное, если я не спрошу?

— Саш... — неуверенно произнесла я, а он замкнул мои губы невидимым замочком и искренне попросил: — Давай не сегодня... Я так устал...

Я подумала: «Для того чтобы забить человека до смерти действительно нужно потратить много сил!»

Выдавила из себя замученную улыбку, словно мантру повторяя один из последних уроков по искусству лжи.

— Конечно, я понимаю.

Цезарь обернулся к Тоське и похлопал себя по коленке:

— Иди ко мне, сладкая, — позвал он мою Тень. —

Я тебя тоже пожалею, а потом ты меня проводишь, оки?

— Оки! — она захлопала в ладоши и опрометью кинулась в объятия. Моя счастливая, глупая Тень.

— Саша, — попыталась возмутиться я. — Мы еще сказку не читали...

— Не читали? — он закусил губу, скользнув по мне странным задумчивым взглядом. — Ну, и ладно... Оставлю её у себя на ночь... Сладкая, хочешь, сегодня я прочитаю тебе сказочку перед сном?

— Про пони? — синие глаза восторженно загорелись, а я поклялась себе потренироваться у зеркала, чтобы никогда такая улыбка не появлялась на моем лице, потому что со стороны безмозглая я смотрелась совершенно омерзительно.

— Ну, как хотите... — я притворно зевнула и демонстративно зацепилась взглядом за часы.

— Тогда не будем тебе мешать, — заторопился Цезарь и, обняв Тень за талию, повёл её к выходу.

Когда они ушли, я ещё с минуту сидела на месте, думая о том, что же не так. А потом поняла: щелчка запирающего устройства не было, а это значит, что...

Вскочила на ноги, руками пытаюсь удержать сердце в груди.

...это значит, что сегодня ночью в спальне не будет бесхитростной Тоськи, которая обязательно бы меня заложила, уйди я из башни. Откровенно говоря, это была далеко не первая её ночевка у брата, но никогда раньше Цезарь не забывал запретить дверь...

Сегодня ночью я впервые за двенадцать лет выйду в город без сопровождения.

Голова закружилась от счастья, а во рту сам по себе вдруг появился терпкий марципановый вкус. Сашка держал нас на строжайшей диете, лично взвешивая обеих раз в неделю и ревностно следя за тем, чтобы ни капли сладкого не попало в наше меню.

Сегодня ночью я устрою вылазку в город.

Несколько секунд я потратила на то, чтобы извлечь из шкафа старый костюм для занятий борьбой. Не знаю, почему Сашка однажды запретил мне посещать спортзал. Тем более, не представляю, как у меня хватило смелости спрятать от него форму, но сейчас я этой своей нечаянной смелости была страшно рада. Не в моих же платьях появляться в городе. А носить брюки Цезарь нам запретил лет десять назад.

Эластичный костюм ласково прильнул к обнажённому телу, и я не удержалась от того, чтобы погладить

синтетические бока руками. Посмотрела на свое бледное от вечного сидения в четырёх стенах отражение и задумалась о том, красивая ли я. Сложно думать о своей внешности и о том, как её воспринимают окружающие люди, когда у тебя есть сестра, словно копирка повторяющая тебя. Каждую родинку на твоём теле, каждую выпуклость, причёску, манеру наносить макияж... Пожалуй, лишь пустота в глазах сестры и отличала нас...

Тоська была глупа. Болезнь ли, военные ли невзгоды раннего детства или просто прихоть природы, но в наши девятнадцать моя сестра оставалась пятилетним ребёнком. Не помню, когда я стала замечать, что что-то не так, а когда заметила...

— Помнишь свою старую таблетку, Осенька? — спросил тогда Сашка, держа меня на коленях и следя за тем, как Тоська строит башню из кубиков. — Ты накачала много игрушек и у неё память забилась. Помнишь? Так и с Тоськой... Разница в том, что апгрейд человеку не сделаешь. И систему не переустроишь. И уж точно нельзя докупить дополнительную карту памяти... А жаль...

Тоська выросла только телом, оставаясь наивным, впечатлительным и ласковым ребёнком, забота о котором почти полностью легла на мои плечи.

Башня Одиночества.

— Помни, Осенька, никто не должен знать о том, что у тебя... у нас есть сестра!

В какой-то момент жизни эта фраза стала непреложной истиной и основным законом.

— Мы не можем позволить себе казаться слабыми, — говорил Сашка. — Учись быть взрослой и делай всё сама.

И Башню Одиночества перестали посещать даже слуги.

— Мы не станем рисковать цесаревной, — улыбался Цезарь. — Кроме тебя у меня никого нет, жизнь моя.

И на массовые мероприятия, когда нужно было просто стоять на платформе и махать людям из-за братского плеча, стали брать не меня, а Тоську. Мою ласковую, глупую Тень.

От всех этих грустных мыслей расхотелось не только марципанов и шоколада. Даже картинка, на которой было изображено мороженое с амаретто, уже не вызывала привычного слюноотделения... но не отказываться же из-за этого от прогулки!?

14 Волосы в косу, на руки перчатки, шёлковый платок на шею, чтобы не светить своей бледностью в темно-

те и — здравствуй, Кирс, большая стеклянная столица, я иду к тебе!

Это была не первая и даже не десятая моя незаконная вылазка, но ночью из дворца я еще не выходила даже в сопровождении Цезаря и охраны. И сейчас немного нервничала, больше прислушивалась к своим внутренним ощущениям, чем к тому, что происходило вокруг меня.

Поэтому прикосновение крепкой руки к моей талии и громкий звук голоса взорвались для меня свето-шумовой гранатой:

— От Цезаря возвращаешься, сладкая?

Сердце разбухло в горле, мешая поступлению воздуха, мозг немедленно изголодался по кислороду, и я, глядя в чёрные глаза Мастера Ти, пискнула что-то среднее между «ага», «просто» и «я тут».

Мужчина улыбнулся и небрежно свободной рукой сжал мою правую ягодицу, напрочь лишив меня способности к мышлению:

— Может, и меня приласкаешь, раз на сегодня ты уже освободилась?

Я почувствовала себя героиней какого-то фантастического фильма. Там женщина, помнится, проснулась в теле другого человека и первые минут двадцать картины пыталась понять, что происходит вокруг неё, почему к ней все относятся не так, как обычно.

Оторопь и молчание Мастер Ти принял за положительный ответ и влажно облизал моё ухо, после чего, обдавая меня вино-луковыми парами, потянулся к губам.

Захват. Подсечка. Удар.

«Я действовала на рефлексх, меня не за что винить...» — немедленно мысленно оправдалась я, глядя на бездвижное тело Мастера Ти.

— Сашка запрет меня ещё на десять лет, но я должна ему рассказать. Сейчас.

Я думаю, что желание немедленно во всём сознаться Цезарю было вызвано не острым приступом вины или шёпотом израненной совести. Скорее, повлияли мысли о том, что больше поверят тому, кто признается первым.

Поэтому я побежала, срезая путь тайными коридорами.

Побежала, вместо того, чтобы остановиться и задуматься о словах Мастера Ти.

Побежала, торопясь наябедничать, и ещё не зная о том, что этот мой безумный ночной забег по двор-